

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 13 (125)

АДЫГСКИЙ (ЧЕРКЕССКИЙ) БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Продолжение, начало
в выпуске 12 (124).

Интерьяно, Джорджио (Giorgio Interiano), генуэзский путешественник и интеллектуал, автор первой книги о черкесах «Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование» (La vita et sito de sichi, chiamati circassi). О жизни Интерьяно известно мало. В 1496 г. он был губернатором Корсики. Жил в Неаполе и впоследствии переехал в Венецию, среди влиятельных граждан которой он имел друзей. В Венеции он и издал свой крайне любопытный труд о черкесах в 1502 г.

Благодаря его детальному и талантливо написанному труду, знание о черкесах в Европе серьезно обогащается. Впервые было создано цельное этнографическое описание страны адыгов образованным наблюдателем, прожившим в Черкесии значительный период времени. За исключением специфически инквизиционных наблюдений Галонифонтубуса все сообщенные им сведения находят подтверждение в сочинении Интерьяно.

В. К. Гарданов очень точно охарактеризовал труд Интерьяно как «энциклопедию черкесской жизни второй половины XV в.». Полнота и степень достоверности очерка Интерьяно далеко превосходит все то, что было написано о Черкесии до него, и также большинство описаний Черкесии XVI и XVII вв. Закономерно, что автор дал предельно четкое определение основных этнонимов, связанных с адыгами: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (т.е. итальянском – Прим. С. Х.), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адыга».

Интерьяно предельно ясно показал, что два основных этнонима – зихи и черкесы – используются соответственно западными и восточными на-

родами для обозначения народа, который идентифицирует себя именем адыги. Интерьяно дает детальное описание территории и размеров Черкесии и также, как и Барбаро, выделяет внутри страны наиболее густо заселенную область Кромук.

Значительное внимание автор уделяет описанию быта и нравов черкесской знати, подчеркивая сильное сословное разделение адыгского общества. Черкесия, согласно Интерьяно, совершенно независимая страна, военнополитический статус которой таков, что не черкесы, а крымские и другие татары находились в состоянии обороны. Черкесы часто вторгаются в Крым и по отзыву Интерьяно они гораздо лучше вооружены и экипированы, чем «скифы». Описание костюма вполне идентично описаниям XVII и XVIII в. Христианство тесно переплетено с язычеством; обряд захоронения при этом совершенно языческий.

Хозяйство, жилищно-поселенческий комплекс и быт в описании Интерьяно представляют нам страну, очень значительно изменившуюся со времен раннего средневековья и, точно также, много более поздние описания (даже начала XIX в.) позволяют нам слишком часто говорить о полной преемственности того или иного элемента культуры.

Интерьяно отмечает, что большая часть невольников из Черкесии увозится в Каир, где «фортуна превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были, - в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т.п.». Итальянец высоко отзывается о красоте черкесов, их обычаях гостеприимства, всаднической культуре, аристократических манерах.

Содержится уникальное по степени детальности описание похорон черкесского князя, возведения кургана, включения коня усопшего в поминальный ритуал. Описание Интерьяно является самым недвусмысленным подтвержде-

нием того, что курганы XIV-XVI вв. оставлены адыгским населением.

См.: Интерьяно Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБККЕА. С. 46 – 52.

Кантемир Дмитрий Константинович (1673 – 1723), господарь Молдавии и выдающийся историк-ориенталист. Автор фундаментального труда «История роста и упадка Османской империи», который содержит в себе массу ценных сведений о видных государственных и военных деятелях Турции черкесского происхождения. Этот труд был написан Кантемиром на латинском (Historia de ortu et defectione imperii turcici) и скоро был переведен и издан на английском, немецком и французском языках. Эта работа одновременно является и историографическим фактом, и значимым источником.

В юности Кантемир жил в Константинополе (1684 – 1691), являясь вассалом и одновременно заложником османского султана. Здесь он получил великолепное образование и овладел в совершенстве турецким, греческим, арабским, латинским и итальянским языками. В 1711 г. Порты утверждает его господарем Молдавии. В 1711 г. во время русско-турецкой войны (Прутский поход Петра I) Кантемир примыкает к России. После поражения русско-молдавских войск он переселяется вместе с большим количеством своих подданных в Россию. Кантемир участвовал в Персидском походе Петра и был советником императора по делам Востока. Энциклопедические знания и личное знакомство с жизнью Турции и Кавказа позволило ему создать классический труд по истории османов, доведенный им до 1711 г.

Учитывая османскую практику направления черкесских и абазских мамлюков в Яссы при назначении каждого нового господаря, знакомство будущего господаря Молдавского княжества с черкеса-

Кантемир Дмитрий Константинович

ми и абазами началось еще в детстве и юности. С 11-летнего возраста Дмитрий проживал в Стамбуле, где его готовили к предстоящей карьере вассального правителя. В своей книге о Молдавии Кантемир отмечает, что не только Порты навязывала молдавским господарям черкесских чиновников, но уже и сами эти господа, живя в собственном особняке в Стамбуле, закупали для своей охраны черкесских невольников.

По числу черкесских, абхазских и грузинских персоналий труд Кантемира, как представляется, остался непревзойденным. Более того, сведения о национальной принадлежности того или иного османского сановника в изложении Кантемира отличаются большой точностью. Кантемир лично знал многих черкесов и абхазов из высших константинопольских кругов конца XVII – начала XVIII в. Помимо константинопольской общины Кантемир много внимания уделил каирским черкесам, а также дал подробный и аккуратный очерк истории Черкесии.

История Черкесии в изло-

жении Кантемира, по сути, является первым опытом изучения адыгов в российской науке. В этом очерке получили освещение такие проблемы как взаимоотношения черкесов с Московским государством, Крымским ханством, Турцией и Египтом. Поход османов в 1484 г. в Черкесию Кантемир склонен объяснять их стремлением помешать мобилизации солдат в мамлюкскую армию. Отношение крымских татар к черкесам характеризуется как весьма уважительное.

Автор отмечает превосходство военного искусства черкесов, благородство их обычаев. Абазы (абхазо-абазины) отмечены как народ, близкий и родственник черкесам по языку и обычаям. Кантемир особо отмечает, что истари черкесы обладали самыми высокими должностями при Османском дворе.

Кобищанов, Юрий Михайлович (род. 1934 г.), выдающийся российский востоковед, исламовед, медиевист.

Его исследование занимает особое место в развитии российской историографии египетского Судана. Появление значительной общины кавказцев в этой стране исследователь относит к 1811 – 1812 гг., когда в Нубию из Верхнего Египта отступили отряды мамлюков во главе с Ибрагим-беем (Абрамом Шинджикашвили). Египетское завоевание Судана началось с экспедиции 1819 года против основанных в Донголе мамлюков. В рамках отдельной главы («Белые господа Судана») Кобищанов анализирует материалы, связанные с социокультурным обликом «турок» кавказского и албанского происхождения. Автор отмечает деятельность целого ряда черкесских генерал-губернаторов (хукумдаров), губернаторов отдельных провинций и правителей более низкого ранга, носивших звание пашей и беев. Как незаурядные личности, обладавшие большой энергией, мужеством, щедростью и гостеприимством у Кобищанова (хотя все эти

характеристики он познакомился с европейскими путешественниками (фигурируют черкесские хукмдары Ахмад Абу Видан, Абд аль-Латыф, Исмаил Айюб, Джафар Садык, Али Джаркас, Муса Хамди, Мухаммад Рауф; губернаторы отдельных провинций черкесы Хасан Саяма Джаркас, Хасан Хилли аль-Джувейсар, Хусрау-бей, Мухаммад Саид Вахби; главнокомандующий войск Мухаммада Али в Судане черкес Осман-паша Джаркас. Кобищанов высоко оценивает деятельность мегрела Ахмада аль-Маникли, но отмечает также его излишнюю жестокость, проявленную при войне с коалицией племен хадендава в 1840 г.

Кобищанов отмечает этноцентризм черкесов и то обстоятельство, что «как правило, черкесские паши и беи (например, Абд аль-Латыф-паша, Хусрау-бей и др.) не любили европейцев и арабов». Здесь же автором констатируется постоянное скрытое, а иногда явное, соперничество внутри «турецкой элиты» — особенно между албанцами и черкесами. Причины ослабления «турецкой» общины Кобищанов усматривает в возрастной европейской экспансии (европейская община в Судане в 1881 году насчитывала до 20 тыс.), а также в открытом невнимании к проблемам страны со стороны Порты. Высший офицерский корпус черкесского происхождения пытался удержать ситуацию, но их присутствие в стране оказалось невыгодным, а для ряда социальных и этнических групп населения — невыносимым. Англичане, чье влияние в Каире в 1870-е годы достигло совершенно беспрецедентных масштабов, видели в черкесах своих основных конкурентов и пытались выжить их со всех постов. Кобищанов отмечает, что Гордон, генерал-губернатор Судана в 1877 — 1879 гг., затем вторично в 1884 — 1885, «гордой черкесской аристократии не доверял, а ущемленных ею арабов был готов принимать к себе на службу». Среди египтян, из которых и состоял рядовой и младший командный состав армии, росли националистические настроения, приведшие к власти в Каире Араби-пашу. Последний предлагал всех черкесов отправить либо в Константинополь, либо в Черкесию. Наконец, в Судане в августе 1881 г. началось освободительное движение, лидер которого Мухаммад Ахмад объявлял себя мессией-Махди. Отношение его к черкесам было еще более враждебным, чем у Араби: Черкес Мухаммад Саид-паша казнил парламентариев-махдистов и нанес вслед за тем первое поражение повстанцам, причем среди погибших оказалось двое братьев Махди. В 1894 г. махдисты взяли под свой контроль северные, прилегающие к Египту, провинции. Черкесский генерал Фадл аль-Маула, командующий войсками Египетского Судана, погиб в сражении. На этой дате завершается история черкес-

ского присутствия в Судане.

Муфти, Шаукет Мухаммед (1905 — 1980), иорданский дипломат, один из общественных лидеров иорданской черкесской общины, историк. Родился в Аммане в семье кабардинцев Хьэвжожьэ. Выпускник медицинского факультета Берлинского университета; доктор медицины. В 1962 — 1965 гг. являлся послом Хашимитского королевства в Турции. Помимо адыгского и арабского владел турецким, английским, немецким и французским языками. С 1935 по 1957 гг. семь раз возглавлял Черкесское благотворительное общество в Иордании. В 1953 году в Аммане издал «Историю адыгейского народа» Шоры Ногма. Его главный труд «Герои и императоры в черкесской истории» был издан на арабском в 1962 году в Иерусалиме; затем на английском в 1972 году в Бейруте (в данной работе использовано второе английское издание 1975 г.) Наконец, русское издание в переводе Б.Н. Березгова вышло в свет в Нальчике в 1994 году. Муфти проявил себя и как весьма эрудированный лингвист: его монография на немецком «Черкесское языкознание» была опубликована в 1978 году в Гейдельберге.

Историческая концепция Шаукета Муфти едва ли не целиком основывается на западноевропейских и османских источниках.

Этноним *черкес* в употреблении Муфти имеет весьма расширительное толкование: его этнолингварное содержание охватывает абазин, абхазов и вайнахов. В связи с этим, исследователь уделит серьезное внимание не только собственно адыгским предводителям, но и шейху Мансуру и имаму Шамилю. Для нас особенную важность имеет то обстоятельство, что Муфти приводит сведения о той поддержке, которую оказывали своим соплеменникам на Кавказе представители османской элиты черкесского происхождения (Бехзад-паша, Мустафа-паша, Исмаил Баркук, и пр.)

Положение черкесских общин в Турции, на Балканах, в Сирии и Иордании освещаются автором в VIII — XI главах книги. На наш взгляд, это наиболее обстоятельная часть работы Муфти — здесь он выступает как хронист или летописец, знающий события изнутри. XII глава представляет собой краткий очерк истории и культуры египетских черкесов. В истории Османской империи Муфти отмечает значительный вклад черкесов: не менее 400 из них получили титул «паша», 12 занимали пост великого визиря, сто черкесов возвысились до чина маршала, «а число черкесов, которые были министрами, командующими, генералами и послами, не поддается счету».

Орловский (Orlowski) Александр Осипович (1777 — 1832),

Муфти, Шаукет Мухаммед

Орловский Александр Осипович

польский живописец и график, представитель романтизма. Родился в Варшаве. Отец его содержал корчму в провинциальном городке Седлеце, где мальчика и его первые талантливые рисунки увидела княгиня Изабелла Чарторыйская. Покровительствуя незаурядному дарованию, она отправила Орловского (ок. 1793 г.) на обучение в варшавскую мастерскую художника Я.-П. Норблина. Ранний, варшавский период творчества художника отмечен интересом к освободительной войне польского народа, вылившейся в восстание под предводительством Т. Костюшко. Покровительство А. Чарторыйского, близкого к Александру I, способствовало тому, что Орловский в 1802 г. переехал в Петербург. В 1809 г. Орловский получил звание академика Петербургской Академии художеств за картину «Бивуак казаков». Художник бурного темперамента, романтик по натуре, Орловский создал большое число батальных и жанровых сцен, изображений всадников в доспехах, пейзажей, отмеченных патетикой и аффектацией образов, свободой и живописностью исполнения.

В Петербург Орловский приехал уже зрелым мастером рисунка и живописи. Вскоре он стал придворным живописцем великого князя Константина и поселился во флигеле Мраморного дворца. Константин, любивший мундиры и муштру, требовал от живописца ежемесячно представлять ему какую-либо батальную сцену. Но не эта живопись прославила Орловского — вскоре он приобрел известность как мастер рисунка, выполняемого всегда живо и точно. Особенно любил он рисовать лошадей и сам ездил по городу на прекрасном черкесском коне. Орловский не мог сдерживать страсти к картам, часто проигрывал, иногда выигрывал большие суммы, которые тратил на вторую свою страсть — покупал доспехи, шлемы, костюмы, а его квартира напоминала «средневековый, по-нурий арсенал».

Творчество Орловского увенчали в своих произведениях великие поэты. Петр Вяземский написал стихотворение памяти живописца Орловского, Пушкин упомянул быстрого карандаш художника в «Руслане и Людмиле»,

а также его прекрасные рисунки в «Путешествии в Арзрум». Мицкевич посвятил Орловскому проникновенные строки в «Пане Тадеуше».

См.: http://webs.israel.spb.ru/projects/_spb/sppolish/orlovsky.htm
Поляк, Абрам Нахум (Poliak, Abraham Nahum, 1910, Киев), выдающийся израильский мамлюковед, медиевист. Фигура Поляка и его воззрения оказали громадное влияние на становление современной израильской медиевистики.

Родился в Киеве в 1910 г. и вместе с родителями переехал в Палестину в 1923 г.

Абрам Поляк стал ведущим специалистом средневековой еврейской истории в университете Тель-Авива и написал ряд монографий на иврите, среди них «История арабов», «Феодализм в Египте и Сирии, 1250 — 1900», «Геополитические интересы Израиля и Средний Восток», и т.д. Его исследование «Хазарское обращение в иудаизм» появилось в 1941 г. в периодическом издании на иврите Zion и привело к оживленной полемике. Его монография «Хазария» (Тель-Авив, 1944) была встречена неожиданно враждебно, как попытка разрушить святую традицию, утверждающую происхождение современного еврейства от библейского народа. Косвенным подтверждением этого враждебного отношения со стороны ортодоксов является то обстоятельство, что даже имя А.Н. Поляка ни разу не упомянуто в «Иудейской энциклопедии» (2-е изд., 1971 г.). Тем не менее, хазарская доктрина Поляка не была опровергнута в ходе академической дискуссии и нашла себе множество сторонников в ученых кругах.

Наблюдения А. Н. Поляка очень важны для изучения характера и сущности черкесского присутствия в мамлюкском Египте. Поляк в своих исследованиях по мамлюкам выделил ряд новых значимых аспектов, ранее не становившихся объектом научного осмысления. Особое внимание он уделит проблеме этнокультурных связей Черкесии и Северного Причерноморья с султанатом Мамлюков. Ему принадлежит ряд интересных наблюдений, касающихся профессиональной политики египетских черкесов, особенностей их социальной органи-

зации, взаимоотношений между аристократами и рядовыми членами общины. Поляк отмечает, что точно также, как черкесы составляли аристократию мамлюков, так и представители черкесской знати пользовались всеми привилегиями внутри черкесской общины: они являлись первыми кандидатами на продвижение в армии и в административном аппарате.

Поляк проводит интересные параллели, констатируя, в частности, что как и в Черкесии, находясь в Египте, черкесские аристократы не нуждались в ношении дорожной одежды для поддержания своего авторитета, но, напротив, их можно было увидеть на улицах Каира в бедной одежде, поскольку все самое лучшее у них выпрашивали их вассалы и клиенты. На основе анализа мамлюкских хроник XV в. Поляк приходит к выводу, что власть и в Черкесии, и в мамлюкском султанате удерживалась одной группировкой, состоявшей из первых семейств Черкесии. Этот вывод Поляка имеет фундаментальное значение для научной концепции мамлюкско-черкесского государства в Египте. Это государство предстает уже не столько порождением мамлюкской системы, сколько типичным образцом средневековой ксенократии.

В отличие от большинства авторов, изучавших историю мамлюков, А.Н. Поляк проделал большую работу по критическому анализу системы словоупотребления мамлюкских историков. Согласно Поляку, изучение истории мамлюкского султаната и сущности его связей с Черкесией и Северным Причерноморьем было немало затруднено делением истории султаната на два периода: тюркских или бахритских мамлюков (1250 — 1381) и черкесских или бурджитских мамлюков (1382 — 1517). Это деление было введено в обиход современного мамлюковедения еще на заре его становления в конце XIX — начале XX века и до сих пор воспроизводится в литературе. Но изучение выявленных источников, согласно Поляку, показывает, что такое понятие как «Тюркское государство» существовало и в черкесскую эпоху, поскольку это понятие не было этническим. Это, в целом, необоснованное деление истории султаната на два периода, основанное на противопоставлении бахритов и бурджитов, вошло в традицию и привело к упрощенному отношению к проблеме этнического состава мамлюков.

Е.Д. Фелицын — основатель кубанской школы исследований историко-культурного наследия адыгов.

Выдающийся кубанский историк и просветитель Евгений Дмитриевич Фелицын (5 марта 1848, Ставрополь — 11 декабря 1903, Екатеринодар), является автором большого ряда работ по истории и куль-

туре Кубани, Северо-Западного Кавказа, кубанского казачества и адыгов.

Научное и публицистическое наследие Фелицына достаточно хорошо изучено, особенно его кубановедческая составляющая. В рамках этой статьи мы сконцентрируемся на работах, посвященных различным аспектам черкесской истории и культуры.

В 1864 г. Фелицын, юный выпускник Ставропольской гимназии, поступил на военную службу унтер-офицером в 74-й пехотный Ставропольский полк, в составе которого успел принять участие в «походе против горцев при покорении Западного Кавказа» [2, с. 351]. Сразу по окончании Кавказской войны, Ф. вышел в отставку, но вернулся на службу через три года в 76-й Кубанский полк. В 1869 г. его командировали в Тифлисское юнкерское училище, по выходе из которого в 1872 г. он получил чин прапорщика. С этого же года началась его подвижническая деятельность как историка-краеведа, основная сфера внимания которого была связана с Кубанской областью.

Начинал Ф. с серии корреспонденций из Майкопа, написанных им в манере социально-экономических очерков и фельетонов. В библиографии работ Ф., которая приведена в исследовании С.Г. Бойчука, за период 1873 – 1875 гг., указан только один очерк «Майкоп и его жизнь», вышедший в свет в «Кубанских областных ведомостях» в N 20 за 1873 г. [1, с. 130]. Благодаря Азамату Бузарову мы имеем возможность в весьма значительной степени расширить список первых публикаций Евгения Дмитриевича о Майкопе, начавшихся в 1872 г. [См. список литературы: 7 – 10].

Военная карьера Ф. не удалась, поскольку он сам откровенно тяготился не занимавшими его ум обязанностями и всеми силами старался сосредоточиться на интеллектуальной, исследовательской работе [1, с. 10]. В 1880 г. он был приписан к станции Северской, в 1884 г. произведен в есаулы, в 1887 г. зачислен в 1-й Екатеринодарский полк и назначен ко-

мандиром сотни. В 1888 г. Ф. получил назначение правителем канцелярии начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. В 1892 г. его направляют в Тифлис в качестве председателя Кавказской археологической комиссии. [2, с. 352]. В 1896 г. он получает звание войскового старшины Кубанского казачьего войска.

В 1878 г. Ф. сформировал экспонаты раздела, посвященного Кубанской области, для антропологической выставки Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. В 1881 г. Ф. был делегатом V археологического съезда в Тифлисе от Кубанского областного статистического комитета. В период с 1879 г. по 1892 г. Ф. являлся редактором Неофициального отдела «Кубанских областных ведомостей». В эти же годы Ф. исполнял обязанности секретаря Кубанского областного статистического комитета. На посту председателя Кавказской археологической комиссии Ф. подготовил к изданию XII том Актов Кавказской археологической комиссии. Как отмечает Городецкий, Ф. «испросил разрешение на извлечение исторических документов за время наместничества на Кавказе великого князя Михаила Николаевича» [2, с. 353]. А это именно тот период (с 6 декабря 1862 г.), в который Черкесия прекратила свое существование, а подавляющее большинство черкесов было вынуждено искать убежище в Турции. Таким образом, должен был появиться XIII том «Актов», который, видимо, мог быть подготовлен полностью или почти полностью Ф., но так и не вышел в свет.

Евгений Дмитриевич внес неоценимый вклад в изучение западно-кавказских дольменов. Он зафиксировал и научно описал все основные дольменные группы. Среди всего ареала дольменной культуры С.-З. Кавказа, Ф. выделил район верхнего течения Белой: «в Кубанской области главным центром сосредоточения дольменных сооружений была именно южная

часть Майкопского уезда». Здесь Ф. самым тщательным образом описал 4 группы: 1) Кожжохская группа близ поселка Каменноостский; 2) группа памятников на территории юрта Баговской станицы; 3) Дегуакская группа близ станицы Даховской; 4) «дольмены Богатырской дороги близ станицы Царской» (совр. Новосвободная). Многие из тех дольменов, которые были описаны исследователем, впоследствии были подвергнуты разрушению, что в еще большей степени повышает значимость труда Фелицына.

Исследователь с большим знанием предмета писал о сакральном статусе дольменов в адыгской культуре: «Ранее все пространство между р. Кубанью и главным хребтом Кавказских гор с незапамятных времен занято было разноплеменным населением Адигского народа, известного под общим именем черкесов. Адиги, в силу присущих им религиозно-нравственных убеждений и, отчасти, под влиянием суеверного страха, относились вообще с большим уважением к памятникам старины и, насколько известно, никогда не позволяли себе разрушать их» [17, с. 7].

Благодаря, во многом, деятельности Ф. власть и общество осознали необходимость охраны и изучения этих уникальных памятников. За свою деятельность на поприще археологии, Ф. был избран членом Московского и Русского археологических обществ, о чем повествует нам картуше его археологической карты Кубанской области [15].

При Кубанском Областном Статистическом комитете Ф. основал археологический музей. Городецкий отмечает: «До Фелицына кубанская археология не только не была разработана, но почти никто ею не интересовался. Е.Д. лично изъездил всю Кубанскую область, отыскивая археологические предметы, достойные внимания; им произведено много раскопок курганов, описаны и сфотографированы найденные в них предметы, с такой же точностью исследованы и описаны дольмены – богатырские дома, а также древние церкви и каменные бабы». [2, с. 357]. В ряду

Фелицын Евгений Дмитриевич

археологических исследований Ф. выделяются раскопки мегалитического кургана Карагодеуаш, возле станицы Крымской [1, с. 41 – 45].

Ф. создал достаточно цельное видение черкесской истории, от древности до периода Кавказской войны. Его монография о Сефербее Зане стала первым исследованием политической истории черкесов и первым опытом написания биографии черкесского политического деятеля [18]. До него и очень долгое время после него исследователи довольствовались рассмотрением черкесов исключительно как объектов российской политики на Кавказе, как своего рода фон для написания пафосных военно-исторических трудов. Еще более новаторский и независимый характер исследование Ф. приобрело в плане методологии и следования принципу историзма.

Евгений Дмитриевич рассматривает Зана как политического лидера, искреннего и последовательного борца за свободу Черкесии [19, с. 21].

Евгений Дмитриевич многие годы посвятил составлению

карты Черкесии. Мы знаем о том, что карта Черкесии была завершена, но не издана. «Карта Черкесии – отмечали в 1902 г. авторы отчета деятельности Кавказского отдела Русского Географического общества, – плод десятилетних трудов Е.Д. Фелицына, известного знатока Северного Кавказа. На этой карте показаны границы владений всех племен горцев, обитавших в Закубанском крае и на восточном побережье Черного моря до высылки их в Турцию в 1862 – 1864 годах; обозначены ныне не существующие аулы горцев в том виде, в каком они были расположены на территории Закубанского края в первой половине прошедшего столетия по 1864 год включительно, восстановлены искаженные на существующих картах названия рек, гор, урочищ, долин и т.п., согласно языку и произношению горских племен; показаны все устроенные русскими войсками в минувшем столетии и бесследно исчезнувшие с лица земли крепости, укрепления, редуты и посты; нанесены также наиболее замечательные памятники древности и курганы. К карте предполагается приложить алфавитный список всех населенных мест, аулов, крепостей, укреплений, постов, гор, рек, урочищ и т.п., с обозначением их местонахождения и, всюду, где возможно будет, с переводом на русский язык местных черкесских названий. Карту постановлено издавать по частям в течение нескольких лет». [4, с. 143 – 144].

Интересно, что весьма информированный о трудах и деятельности Ф., Б.М. Городецкий в 1912 г. ни словом не обмолвился о его карте-реконструкции Черкесии: «По этнографии края Фелицын интересовался исключительно тем отделом, которым редко кто занимается и который представляется самым трудным для

Фелицын Е.Д. Археологическая карта. 1882 г. Фрагмент. Могила князя Инала

исследования – этнографией горских племен. С выселением горцев в Турцию и с переселением их с гор на равнины, восстановить черкесскую географию по воспоминаниям и рассказам – работа весьма затруднительная. Он пользовался обыкновенно указаниями своих многочисленных приятелей из среды сведущих горцев; с этой же целью он даже принял за изучение черкесских наречий; приобретенными сведениями Фелицын не успел, однако, поделиться с читающей публикой; он опубликовал лишь одну крупную работу «Численность горских и других мусульманских народов Кубанской области, с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула» и несколько незначительных заметок. В оставшихся после смерти Фелицына материалах имеется много документов, относящихся к черкесам, но эти документы вряд ли могут быть приведены в надлежащий порядок без тех сведений, которыми обладал покойный. На первой очереди у Фелицына стояла работа об известных черкесских фамилиях, так как в последнее время его начали усиленно осаждают кунаки, искавшие доказательств своего благородного происхождения, чтобы попасть в число русского дворянства. Другой предполагавшийся не менее кропотливый труд – географический словарь Кубанской области, в который должны были войти как существующие, так и исчезнувшие географические названия. Часть материалов для этого труда была уже заготовлена» [2, с. 358].

Но, все-таки, у Городецкого есть два указания о том, что Фелицын занимался картой Черкесии: это выражение «восстановить черкесскую географию» и выражение «исчезнувшие географические названия».

В лице такого исследователя, как Е.Д. Фелицын, историография истории Северо-Западного Кавказа получила, можно сказать, своего классика – ученого, чьи труды на многие годы вперед определили направления и высокие стандарты научного поиска. Фигура Фелицына сближает две исследовательские и учебно-методические дисциплины – историю Адыгеи и историю Кубани. Наследие Фелицына убеждает нас в возможности сближения исследовательских дискурсов.

Примечания:

1. Бойчук С.Г. Общественно-просветительская и научная деятельность Е. Д. Фелицына (1848 – 1903). Краснодар: «Традиция», 2010. 176 с.
2. Городецкий Б.М. Евгений Дмитриевич Фелицын (1848 – 1903) // Кубанский сборник на 1913 год. Издание Кубанского Областного Статистического Комитета под ред. Л.Т. Соколова. Т. XVIII. Екатеринбург: Типография Кубан-

ского Областного правления, 1913. С. 351 – 362.

3. Загурский Л. По поводу трудов Е.Д. Фелицына о горцах Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского русского Географического общества. Тифлис, 1884 – 1885. Т. 8. С. 347 – 369. К статье Загурского прилагаются 2 статистические таблицы (с. 371 – 373), составленные Е.Д. Фелицыным. Таблица А: Таблица племенного состава горцев и других мусульманских народов, проживающих в Кубанской области (по сведениям, собранным в декабре 1883 года). Таблица Б: Численность горцев и других мусульман, переселившихся из Кубанской области в Турцию с 1871 по 1884 год.

4. Известия Кавказского отдела Императорского русского Географического общества. Т. XV. N 3. Тифлис, 1902. С. 143 – 144.

5. Кузьминов П.А. Северо-Западный Кавказ в научном творчестве Е.Д. Фелицына // Фелицын Е.Д. Князь Сефер-Бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 5 – 18.

6. Сысоев Евгений Дмитриевич Фелицын (с портретом) // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IX. Под ред. графини Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1904. С. I – VII.

7. Фелицын Е. Майкоп (Корреспонденция «Кавказа») // Кавказ. 1872. N 23, 44, 72, 132; 1874. N 7. Материал предоставлен А.К. Бузаровым.

8. Фелицын Евг. Майкоп и его жизнь (Фельетон в виде корреспонденции) // Кубанские областные ведомости. 1873. N 20 (26 мая). Материал предоставлен А.К. Бузаровым.

9. Фелицын Е. Майкоп и его жизнь // Кавказ. 1874. N 15. Материал предоставлен А.К. Бузаровым.

10. Фелицын Е. Майкоп и его жизнь // Тифлисский вестник. 1874. N 84 – 85, 94 – 95; 1875. N 83. Материал предоставлен А.К. Бузаровым.

11. Фелицын Е.Д. Черкесы-адыге и западно-кавказские горцы. Материалы для изучения горцев и принадлежащей им страны. Екатеринбург: Типография Кубанского Областного правления, 1884. 24 с.

12. Фелицын Е.Д. Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области, с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула // Сборник сведений о Кавказе. Т. IX. Тифлис, 1885. С. 51 – 99.

13. Фелицын Е.Д. Сборник тамг или фамильных знаков западно-кавказских горцев и племени Кабертай адигского народа // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XV. Одесса, 1889. Отд. 2. С.

14. Карта Кубанской области. Составленная по новей-

шим сведениям 1882 года Е.Д. Фелицыным, действительным членом Кубанского областного статистического комитета и членом-сотрудником Кавказского отдела Русского Географического общества. М., 1882 // РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5/III-35.

15. Археологическая карта Кубанской области. Составил Е.Д. Фелицын. Член-сотрудник Императорского Русского, и член-корреспондент Императорского Московского, Археологических обществ. Составлена в 1882 году. В английском дюйме 20 верст // РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5/VI-29.

16. Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с обозначением местонахождения не существующих ныне крепостей, укреплений, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 года до окончания Кавказской войны. Составлена Е.Д. Фелицыным. М.: в английском дюйме 20 верст. Тифлис, [188..]. Ко 7/I – 45.

17. Фелицын Е.Д. Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IX. Под ред. графини Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1904. С. 1 – 86.

18. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-Бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. Т. 10. Екатеринбург, 1904. С. 1 – 170.

19. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-Бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 295 с.

Хольт, Питер Малькольм (Holt, Peter Malcolm, 1918 – 2006), член Британской Академии, выдающийся английский востоковед, специализирующийся на мамлюкской истории, профессор emeritus истории Ближнего и Среднего Востока в университете Лондона, занимал пост правительственного архивиста Судана. П.М. Хольт является автором целого ряда статей по различным аспектам мамлюкского института, а также трех монографий, охватывающих период с XI по XIX век: 1) «Современная история Судана» (1961); 2) «Египет и Благодатный Полумесяц, 1516-1922. Политическая история» (1966); 3) «Эпоха крестоносцев: Ближний Восток с XI столетия до 1517 года» (1986). В данной работе использованы все три монографии, последняя из которых в издании 1993 г. В 1992 г. в свет вышла монография Питера Торю (Thorau) «Лев Египта: султан Байбарс I и Ближний Восток в XIII столетии», перевод которой с немецкого на английский осуществлен Хольтом. Хольту принадлежит ряд ценных наблюдений, посвященных айубидским и мамлюкским прототипам османского институ-

та султанской власти.

Работы Хольта могут быть признаны в качестве образца востоковедческого исследования. Большое внимание автор уделяет черкесскому присутствию в Турции, Египте и Судане. Мамлюкский режим в Ираке в XVIII – первой половине XIX в. Хольт считает грузинским, что не может вызвать возражений. Первое возвышение черкесов в Египте исследователь относит к 1293 г., когда черкесская группировка в 1500 человек выступила против узурпатора трона – лидера тюрок Байдара ал-Мансури – и достигла успеха. С этого эпизода, по мнению Хольта, традиционный антагонизм между мамлюками-ветеранами и «домом» нового правителя сменяется новым ведущим внутримамлюкским противоречием, вызванным к жизни этническим конфликтом тюрок и черкесов.

Период мамлюкской истории с 1293 по 1310 г. Хольт выделяет как наиболее характерный в плане тюрко-черкесского противостояния, когда совершались частые перевороты, а все главные посты были поделены между лидерами двух основных мамлюкских племен. Этот период завершается кратковременным правлением в качестве законного султана Байбарса ал-Джашангира, главы черкесской партии. Следующий период в истории черкесского присутствия Хольт относит к 1341 – 1399 гг., выделяя его в отдельную пятую главу своего исследования. Ключевое внимание здесь уделяется неоднократным попыткам черкесских мамлюков сменить правящую династию Калаунидов, а также истории возвышения и правления Баркука, основателя черкесского государства в Египте.

Период правления черкесских султанов (1382 – 1517) Хольт подразделяет на два этапа: первый продолжался до 1461 г., в это время все султаны были сыновьями, родственниками либо выходцами из «дома» Баркука; второй этап с 1461 г. до 1517 г., в этих хронологических рамках власть всякий раз доставалась сильнейшему из черкесских военачальников и лишь затем ее легитимность подтверждалась халифом и собранием кадиев.

Вопросы этнической истории мамлюкского института в XVII – XVIII вв. Хольт рассматривает в монографии «Египет и Благодатный полумесяц». Отмечается, что в массе своей эмиры XVI века (в период после 1517 года) были не просто мамлюкского происхождения, но являлись преемниками тех мамлюкских «домов», которые существовали в XV веке. Отчеты источников за этот период (1517–1600) весьма отрывочны и не позволяют воссоздать целостную картину жизни мамлюкской элиты. Напротив, XVII век сохранил

Хольт, Питер Малькольм

для нас гораздо более подробные источники. Хольт делает вывод, что многие беи этого столетия были черкесами. Среди них автор выделяет Ридван-бея ал-Факари, управлявшего страной на протяжении четверти века (1631 – 1656). Для эпохи Мухаммада Али Хольт отмечает сохранение старой черкесской аристократией своих привилегированных позиций и отмечает, что проводилась целенаправленная политика на сохранение паритета между черкесами и турками, причем под последними чаще всего имелись в виду албанцы.

Этот паритет резко обрушился и ситуация в правящей элите изменилась в пользу черкесов в 1840-е годы в связи с возрастанием миграционного потока из Черкесии, терявшей свои территории под натиском русских армий. Хольт неизменно отмечает этническую принадлежность представителей египетской элиты и для периода с 1840 по 1882 годы – это почти исключительно эмигранты из Черкесии. В этом отношении особенно показательна монография Хольта, посвященная Судану. Здесь первый черкесский узурпатор в лице Оздемир-паши отмечается автором для 50-х годов XVI века. Хольт дает высокую оценку воинским талантам Оздемира, используя даже такое выражение, как «героический век Оздемир-паши». Затем османская власть в этой стране хиреет и в XVIII в. совершенно забывается, так как каирские эмиры целиком были увлечены противодействием Константинополю. Мухаммад Али повторно завоевал Судан, но попутно это означало установление османского контроля. Турецко-египетская эпоха длилась около века – с 1820 по 1894 год. Генерал-губернаторы Судана, так называемые хукумдары, назначались хедивами и утверждались Портой. Хольт, рассматривая процесс утверждения турецко-египетской власти в этой стране, выделяет персону черкеса Осман-бея, заложившего Хартум в 1824 г.